

Н. С. Корепанов
МИЕ, г. Екатеринбург

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРЕЗИДЕНТА БЕРГ-КОЛЛЕГИИ А. Ф. ТОМИЛОВА

В истории горнозаводского Урала, как и в целом в истории горного ведомства России, президент Берг-коллегии Антон Федорович Томилов был весьма заметной, запоминающейся и колоритной фигурой. В настоящее время биография его в общих чертах известна¹. Родился в 1687 г. После окончания Школы математических и навигацких наук служил в артиллерии, участвовал в Северной войне и в Персидском походе, в 1728 г. принят на горную службу В. Генниным и до 1732 г. служил в Екатеринбурге в руководстве Сибирского обер-бергамта. Здесь и началась его карьера в горном ведомстве в чине капитана артиллерии, а затем коллежского советника. В 1742 г. в чине генерал-майора он возглавил воссозданную при императрице Елизавете Берг-коллегию и руководил горным ведомством империи до своей кончины в 1750 г. В 1746 г. А. Ф. Томилов побывал на Урале, где лично распорядился по нескольким ключевым направлениям производственной деятельности.

До сих пор остается неясной история знакомства В. Геннина с А. Ф. Томиловым и причина, по которой тот был отправлен на Урал. Нам лишь известно, что капитана определили из артиллерии в горное ведомство особым распоряжением Верховного тайного совета по личному представлению Геннина. Здесь он вскоре стал негласным заместителем генерала (еще до назначения первым членом обер-бергамта) и, судя по нескольким недвусмысленным высказываниям Геннина, намечался ему в преемники. Однако еще до отъезда Геннина с Урала в связи с болезнью уехал в Москву².

Сам факт назначения А. Ф. Томилова президентом елизаветинской Берг-коллегии был весьма многозначителен в контексте прежних событий. По множеству косвенных данных мы считаем, что Берг-коллегия была закрыта в 1731 г. по инициативе Геннина в связи с предшествовавшим многолетним конфликтом его с берг-коллежской бюрократией и в качестве одного из условий возвращения генерала на Урал³.

Историю поездки А. Ф. Томилова по Уралу в течение почти всего 1746 г. мы проследили достаточно подробно⁴. Распоряжения его, приведшие к воссозданию монетного двора в Екатеринбурге, к учреждению Екатеринбургской камнерезной фабрики и целой золотодобывающей отрасли, говорят сами за себя. (Уточним, что в 1746 г. Шарташского рудника на месте находки Ерофея Маркова еще не существовало; добыча

золотоносной руды велась лишь на месте открытия Леонтия Пигалева на Шилово-Исетском руднике). Не менее резонансным, хоть и не имевшим реальных последствий, было заявление А. Ф. Томилова о необходимости учредить в Екатеринбурге высшую горную школу. Как известно, лишь во времена Екатерины II в России появилось Петербургское горное училище.

Иными словами, очевидно, что Екатеринбург всегда оставался памятен А. Ф. Томилову как место, где решилась его судьба, а его внимание к Уралу вело к реальным и существенным изменениям в развитии края. Возможно также, свою роль здесь сыграло и происхождение А. Ф. Томилова, ибо очевидна его принадлежность к известному в Сибири семейству служилых людей. В частности, в 1720-е гг. в Верхотурском уезде служил земский комиссар Венедикт Томилов, в 1730-40-е гг. на уральских казенных заводах служили горные офицеры Василий Иванович и Василий Кириллович Томиловы и т. д. Все они назывались тобольскими дворянами и детьми боярскими.

В связи с этим весьма любопытны данные, полученные вскоре после смерти А. Ф. Томилова.

В августе 1752 г. в канцелярию Главного правления заводов в Екатеринбурге (далее – Главное правление) поступил сенатский указ, где говорилось о двух личных распоряжениях императрицы Елизаветы Петровны касательно наследства умершего бездетным А. Ф. Томилова и о необходимости разыскать его сибирских родственников. В указе приводились, в частности, показания вдовы А. Ф. Томилова: «Оного Томилова жена, вдова Дарья Лукина дочь, известием объявила о написанных в духовной его родственниках, имеющихся в Сибири. Оный муж ее в бытность свою тамо с нею, с 24 года, сказывал ей, что оные ближние ему родственники, а как подлинно близки – не сказал, в том числе из тех один тогда имелся на Екатеринбургских заводах обер-офицером Василий Иванов сын Томилов, коего и она, вдова, знала. А другой родственник же был на сибирском Ишимском заводе полковником, а как имя и отчество и при каком деле – не упомнит. И оные Василий Иванов и полковник в прошлых годах померли. И после смерти Василья Томилова осталась дочь Федосья, которая и ныне имеется на том же заводе в замужестве за обер-офицером Иваном Федоровым сыном Княгиным (так в тексте. – Н. К.). А после ж полковника Томилова остались два сына, и имелись при тех же Ишимских заводах обер-офицерами, один капитаном, а другой каким рангом – не упомнит. А кроме того других родственников у мужа ее никого нет»⁵.

По справке в Главном правлении, оказалось, что речь идет о дочери шихтмейстера Василия Кирилловича Томилова (по нашим данным,

умер на Сусанском заводе в марте 1749 г.) Федосье и ее муже берг-гешворене Иване Федоровиче Княгинкине, находившемся на тот момент на Кушве. А в Ягошихинском заводе служил тогда берг-гешворен Василий Иванович Томилов. Все трое были вызваны в Екатеринбург и в сентябре – начале октября дали присяжные сказки. Отметим здесь, что сами по себе показания подобного рода в среде уральских горных офицеров были весьма редки. В частности, по ним можно судить об их отношении к родственным связям, к происхождению и т. п.

Первой дала показания Федосья. Наиболее любопытно здесь упоминание о недавнем намерении А. Ф. Томилова взять ее на воспитание, в наследницы. И хотя речь шла о немалом, судя по всему, наследстве, вероятность вымысла ничтожна, ибо показания давались после присяги в Богоявленской церкви.

«Отец и прочие родственники их Томиловы были тобольские дворяне и дети боярские. А будучи в малых летах, в разговорах родителей моих о поколении покойных моих предков и других бывших в Сибири родственников слыхала, что сибирские дворяне и дети боярские Томиловы с покойным генералом-майором Антоном Федоровичем Томиловым одного поколения. А особливо в прошлом 1746 годе, в бытность его, г-на генерал-майора, в доме покойного родителя моего на Сусанском заводе, они между собою причитались родством так, что отец одного генерал-майора и дед родителя моего были братья двоюродные, а внучата одного деда. Последуя тако прадеда генерал-майору от большого сына остался он один, а от меньшого сына также один – родитель мой. А именно от родных братовой, от большого был отец покойному генерал-майору, а от него он, генерал-майор, один. От меньшого брата дед отца моего, а от него отец моего отца, от коего родитель мой один же был. По чему отец мой – племянник внучатной покойному генерал-майору считался.

Причем он, генерал-майор, отцу моему говорил: ибо-де от наших дедов кроме нас ныне никого мужеска пола не осталось, да и оный генерал-майор бездетен. А у родителя моего кроме меня никого нет же. И притом он, генерал-майор, сожалея, что их фамилия может остаться беспамятна, просил родителя моего, чтоб для учинения в его род наследницею меня отпустить в дом его к жене его, генерал-майора. Токмо родитель мой тогда того для чего не учинил – не знаю.

А какие имена по поколению он исчислял – того я за долгопрошедшим временем, а паче за тогдашним малолетством ныне не упомяну. Но сколько тех имен и обстоятельств по выходе моем в замужство я припомнила тогда при собственном моем следовании – мужу моему, Ивану Княгинкину, все подробно показала. И он к тому из показанных

обстоятельств и из достоверных свидетельств о именах и поколенное покойного родителя моего и о родственниках его далее следовал и имеет записки. Из родственников наших Томиловых ныне есть в живых берггешворен Василий Иванов сын Томилов. А кто еще кроме его есть ли – о том может показать он, Томилов»⁶.

И. Ф. Княгинкин подтвердил показания жены: «Отец его, генерал-майора, и прадед жены моей были братья от родных и от одного деда рожденные». По его мнению, помимо уверений жены следовало найти документальное подтверждение родства: «Для ясного в свидетельство показания потребны обстоятельства, которые в тех местах, где дед генерал-майора и прадед тестя моего жительство имели, достать наденюсь»⁷. Вскоре он на три месяца отпросился в Петербург для свидетельства в сенатской комиссии.

В. И. Томилов показал следующее: «Родом города Тобольска из дворян. Отец мой Иван Панкратьев сын Томилов служил по городу Верхотурию дворянином же. А дале того о прадеде моем и о прочих показать не могу. А откуда оные прежде родом бывали – того я подлинно не знаю за тем, что остался от отца моего в малых летах.

Упомянутый в том указе полковник Томилов – оный был подполковником, а не полковником, а мне брат родной большой Василий Иванов сын Томилов. Да брат же родной Яков, который тогда был капитаном, а потом отставлен уже майором. Означенный же подполковник имел команду в Ишимском дистрикте, а не на заводе. И во оном дистрикте такого звания заводов нет. У него детей было двое – Яков и Федот. Из которых Яков умре, а Федот взят в службу в Оренбургский драгунский полк в 1737 году. О коем с того времени я не известен.

Находящаяся же при Екатеринбурге за берггешвореном Иваном Княгинкиным жена Федосья Васильева, оная племянника моего, бывшего при заводах берг-офицера Василья Кириллова сына Томилова дочь.

У прародителя моего сколько имелось детей и кто именно явствует: старший Степан, средний Федор, меньшей Иван, мой отец. У Степана был сын Кирило, от него упомянутый Василий – отец жены Княгинкина. И оный мой племянник Василий Кириллов помре.

Г-н генерал-майор Томилов в бытность свою здесь при Екатеринбурге в 1747 г. (так в тексте, правильно: 1746 г. – Н. К.) спрашивал у меня о брате моем, подполковнике, и о прочих моих братьях, и кто из них жив ли, и где находится. И на то я ему доносил, что большой мой брат, предпомянутый подполковник, помре. А живых только еще средний брат мой Яков Иванов сын Томилов (который и ныне жив) в отставке майором, жительство имеет Тобольского ведомства в Утятском

форпосте. И на то он сказал, что-де вы нашей фамилии, только как близко – о том точно не выговорил. А я за неимением поколенной росписи более в родстве с ним как близко – объявить не могу»⁸.

В заключение отметим еще несколько моментов, позволяющих оценить масштаб личности А. Ф. Томилова.

Среди горных администраторов XVIII в., послуживших на Урале, лишь граф А. Э. Мусин-Пушкин впоследствии возглавил горное ведомство: в 1763–1764 гг. он являлся главным командиром в Екатеринбурге, в 1766–1771 гг. возглавлял Берг-коллегию. Из местных уроженцев генеральского чина (правда, по гражданской табели) после А. Ф. Томилова достиг коренной екатеринбуржец, знаменитый горный деятель А. С. Ярцев. Из местных же уроженцев, возглавлявших горное ведомство России, следующим по времени после А. Ф. Томилова стал А. Ф. Дерябин – директор Горного департамента в 1811–1817 гг. И за всю историю не случилось более побывать на Урале президенту Берг-коллегии – ни до, ни после А. Ф. Томилова.

Примечания:

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/> Томилов Антон Федорович.

² Об этом периоде его жизни см.: Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 1995. С. 31, 62, 66–67, 71, 75–76; Его же. Геннин на Урале. Екатеринбург, 2005. С. 144, 182, 195–196, 210.

³ Подробнее см.: Корепанов Н. С. Геннин на Урале. С. 18–184, 186–187.

⁴ Корепанов Н. С. Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2000. С. 112–119.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1907. Л. 573–573 об.

⁶ Там же. Л. 582–582 об.

⁷ Там же. Л. 583.

⁸ Там же. Л. 585–585 об.